

ВИОЛЕТТА РОМАН

ПОВЕРЬ

Сны

содержит
нецензурные
слова

18+

Annotation

Она внучка генерала. Молодая и принципиальная следователь. Он – местный авторитет, дело которого поручено ей. Ей пророчат быстрый взлёт карьеры и высокие звания. У него не осталось ничего, кроме жажды мести. Она презирает таких, как он, и в её власти посадить его надолго. Но всё выходит из-под контроля, и в определённый момент ей предстоит сделать выбор. На чаше весов окажутся её родные и карьера. А на другой... на другой окажется он.

Содержит нецензурную брань.

Виолетта Роман

Поверь мне

Глава 1 Шторм

Голова раскалывалась. Чувствовал себя зверем, запертым в клетке. Я не мог понять, что происходит, и это дико бесило. Белицкий не брал трубку уже полдня, а это значило одно из двух. Либо приняли менты, либо уже в земле. И я не знаю, какой из вариантов был бы более подходящим.

У входа в клуб пятеро охранников, при мне несколько стволов, но даже так я не чувствовал себя в безопасности. Сколько раз приходилось выбираться из передраг, сколько раз оказывался в шаге от гибели – еще никогда меня так не раздирало изнутри.

Каждый раз я выходил сухим из воды. За каждым крутым поворотом и спуском ждал еще более высокий подъем. Чуйка никогда не подводила меня. И сейчас мое нутро взывало от предчувствия чего-то страшного. Того, что уже не исправишь, не решишь.

Стиснул виски. В кармане завибрировал телефон. Гаспар.

– Говори.

Прикрыл глаза, надавливая на них пальцами. В динамике раздался хриплый, немного торопливый голос водителя.

– Шторм, тут х*рня происходит. Парней обстреляли, товар забрали. Белицкого менты приняли. Войну нам объявили, походу.

Взрыв. Такой, что едва не разметало на куски по комнате. Сжал кулаки, пытаюсь успокоиться.

– Кто, Гаспар? Кто мог пойти на это?!

– Не знаю, Шторм. Но тот, кто это сделал, имеет крупные подвязки с властями. Им помогают.

Я и сам это понимал. У меня весь город в кармане – губер, прокурор. Сколько лет работаю, никогда такого не было. У нас договор – мои ребята работают по правилам, без произвола и крови, а менты не трогают нас. Много лет все было мирно и спокойно, но эти пару месяцев все катится к чертям.

– Ты где сейчас?

– На Островского.

– Подъезжай, я в «Эре». Ты Олю не видел?

– Нет, два дня назад, как отвез ее домой и все, больше не видел.

Бросаю трубку, внутри все в узел скручивает. Случилось что-то. Нутром чую, не в порядке она. Два дня уже найти не могу. Весь город прошерстил, нет нигде. И как назло людей почти не осталось, чтобы развернуть полноценные поиски. Сам колесил по городу, только толку никакого.

Лея, девочка моя... Если бы что-то случилось, она бы позвонила... Уверен, нашла бы способ выйти на меня. Успокаиваю себя, а внутри зверь рвет и мечет. Скулит, п*скуда,

чувствует, что дело дрянь. Твою мать! Еще и крыса какая-то затаилась. То подставы моим парням с убийствами и грабежами, а теперь налеты на наш товар. Найду, урою!

Выхожу из кабинета и спускаюсь вниз. Зал пуст, только девчонки у пилона репетируют. Клуб откроется через пару часов.

Эля у барной стойки, наводит порядок. Из кабинета выходит Антон.

– Ты как, брат? – управляющий клубом пожимает мне руку.

В его глазах страх. Боится, что и клуб отберут у меня. Не хочет остаться без работы. Вот только х*р я им отдам свои точки. Тот, кто полез на меня либо псих, либо человек с огромным самомнением. В любом случае, ему ничего не светит.

– Олю увидишь, звони мне.

Он хмурится.

– Так и не нашли?

Внутри снова стягивает спираль. Я даже вслух не могу произнести то, что крутится в голове последние два дня.

– А родители ее? Не знают?

– Да от матери ее толку нет. Бухает, как сволочь. Она и имени ее не помнит...

– Черт, брат, ты же знаешь, все что нужно сделаю..

– Спасибо, – жму ему руку, замечаю подъехавший ко входу в клуб джип Гаспара.

Выхожу на улицу, и, щурясь от яркого света, подкуриваю. Никотин заполняет легкие, царапая их. Два дня как на иголках. Сейчас я должен думать о той мрази, что устроила мне проблемы. Должен пацанов своих из-за решетки вытягивать, а у меня из рук все сыпется. О ней об одной только мысли. И понимаю ведь, случись с ней что – сдохну. Просто, н*хр*н, потеряю вектор жизни, потеряю смысл.

Хотелось орать. Выть волком от удушающего чувства беспомощности.

Полгода вместе. Шесть месяцев чистого кайфа и ощущения, что весь мир у моих ног. Каждое утро, просыпаясь, смотря в ее чистые глаза, подышал от того, насколько сильно погряз в ней. Старый для нее, изуродованный грехами и шрамами. А она как ангел. Чистая, светлая.

Ей девятнадцать всего. Но любой красотке прикурить даст. С ней и в ад, и в рай не страшно. Главное, чтобы рядом была. Сросся с ней. С мясом сросся. И теперь, когда ее вдруг не стало, я будто недочеловек. Будто половины тела лишился.

Бл*ть. Снова накатило. Выбросил сигарету в сторону. Сегодня в клубе на ночь остался – нет сил без нее дома сидеть. Мысли черные в голову лезут. Сколько раз хватался за калаш, уже хотел в тачку прыгнуть и помчаться к Дикому. Ранести у него все к чертям собачьим. Твою мать! Знаю ведь, что не он! Дикий, хоть и чокнутый, но на меня не полезет! Только больше кандидатов нет.

Они мне войну объявили. И видит Бог, я избегал ее до последнего. Не хотел лишней крови, и так много дерьма мои парни пережили. Но они покусились на самое дорогое. На то, что трогать нельзя.

Сел в салон, захлопнув дверь. Гаспар был напряжен, не сводил с меня хмурого взгляда.

– Поехали домой.

Рогачев нервничает. Между нами повисает молчание. Я знаю, что терзает его. Страх. Животный, порабошающий. Тот, что на колени ставит и превращает некогда сильного в отребье, в помой. За последний месяц десять смертей наших, и ни одной зацепки. Моя репутация под угрозой, все мое дело висит на волоске. Но мне пох*й на все сейчас, потому

что ее нет рядом.

По дороге делаю пару звонков. Пытаюсь пробить через оставшиеся каналы, что случилось с товаром. Обещают перезвонить, но когда вызов прекращается, и экран мобильного темнеет, я понимаю, что никто не наберет. И даже не попытается узнать. Они все напуганы. Трусливые шакалы разбегаются по норкам, потому что сейчас связываться со мной, все равно что нарисовать красным у себя на лбу.

Гаспар останавливается у ворот.

– В десять собирай всех в клубе. Есть новости для пацанов.

Рогачев кивает и газует, оставляя после себя шлейф выхлопных газов и запах жженой резины. Поправив куртку, захожу в ворота, а в следующую секунду, словно из ниоткуда на меня налетает стая в черном.

– Лежать! Работает спецназ! – раздается над головой. Меня толкают в спину. От первого удара уворачиваюсь, но уже спустя мгновение в голову прилетает более сильный, и я падаю прямо на асфальт. Они наваливаются. Какой-то ублюдок ставит берцы мне на висок.

Напротив глаз появляются черные лаковые туфли. Я не могу вдохнуть, не могу повернуться хотя бы так, чтобы унять дикое давление на скулу.

Владелец туфель присаживается на корточки, и сейчас я могу видеть его лицо.

– Шторм, что ж ты подводишь меня... – кривая улыбка Дробина вызывает стойкий рвотный рефлекс. Из всех возможных ментов этот самый п*судный. И если он забрался ко мне в дом, да еще с толпой своих космонавтов – дело дрянь.

– Потише будь, Марк, – хриплю, потому что легкие горят от нехватки кислорода. – Осади своих волчар.

Дробин напряженно всматривается в мое лицо. По прошествии нескольких секунд, наконец-то, делает знак своей своре отойти. Тут же с тела пропадает груз. Меня больше не прижимает к земле. Встряхнув головой, принимаю сидячее положение.

Он наклоняется. Делает знак своим отойти.

– Что творишь, Дробин? Котелок закипел? Или давно от генерала не отхватывал? – провожу по ушибленной скуле ладонью, замечаю следы крови на руке.

Дробин смотрит волком, явно получил команду «рвать».

– Разговора между нами больше никакого не будет с тобой, падаль ты бандитская. В твоём доме обыск...

Я молчу. Дробин сплевывает в сторону, возвращая ко мне презрительный взгляд.

– Ну что, не ожидал? Не успел зарыть?

Он совсем ох*рел. Мало того, что вторгся в мой дом, натравил своих псов, так еще и предьявы пустые бросает.

– Кого зарыть? Ты выражайся точней.

– Девочку свою зарыть не успел? Олю.

Он поднимается, отходит на шаг, наблюдая за реакцией. А я как пришибленный, оглушенный после взрыва. Сижусь и пялюсь на эту мразь, не веря ни одному гнилому слову. Не хочу верить, но, бл*ть, сердце чувствует, что мусор прав.

– Чего?!

Он ухмыляется.

– На заднем дворе найден труп Ольги Данилюк. Гнида ты бандитская, мало того что девчонку молодую втянул во все это дерьмо, так еще и убил ее.

Глухотой накрывает. В ушах звон, а в глазах пульсирует пятнами темными.

Подрываюсь с земли. Руки за спиной, меня пытаются держать. Гребу по полной, чувствуя как внутри разрывает все на части.

– Оля-я-я! Оля! – реву не своим голосом. Менты наваливаются толпой. Я падаю на землю, но мне пох*й на них. Ничего в этом мире не остановит сейчас. Ползу, пытаюсь скинуть с себя груз. Чьи-то голоса над головой – много голосов. Ничего не слышу, не понимаю. Взглядом в задний двор впиваюсь, где толпа собралась.

– Оставьте его. Пусть посмотрит, – произносит довольно Дробин и тут же руки, удерживающие меня, исчезают.

Я несусь на задний двор. Там несколько ментов, они что-то поднимают с земли и раскладывают по пакетам. Провожу напряженным взглядом по территории двора, а когда вижу накрытое белой тканью тело, лежащее у беседки, воздуха не хватает. Срываюсь к ней, рухнув на колени. Твою мать! Это просто идиотский сон, это не может быть правдой! Только не она! Только не Оля!

Лица ее не вижу, только волосы ее распущенные, лежащие веером на грязной земле. Руками по тряпке вожу, чувствуя, что просто не хватает сил поднять покрывало и посмотреть. Я долбанный трус, но я не могу это сделать. Не могу!!!

Перед глазами плывет все. Обнимаю ее за шею, перетягивая к себе на колени. Сдираю чертово покрывало, и чернотой накрывает, заволакивает все внутри, каждый орган в эту еб*чую темную субстанцию. Ненависть. Она поднимается во мне подобно лаве. Она затапливает меня, и ее так много, что меня разрывает на куски.

Губы бледные, глаза закрыты.

– Девочка моя. Маленькая, – голос хриплый, сдавленный, сам его не узнаю. – Оля.. кто?! Кто?!!

Вижу кровь на уровне живота, в том месте покрывало немного топорщится. Поднимаю его, и замираю. Нож торчащий из бока...

– Порву! Из-под земли достану, тварь! Уничтожу суку!!! Вырежу, бл*ть, весь род за нее!!!! – реву так, что горло срывает.

Кладу ее на землю, а сам отбегаю в сторону. Меня выворачивает. Внутри такая агония, что лучше бы сдох, здесь, рядом с ней. Каждый нерв полыхает в адовом огне, каждая клетка болит, а душа.. она на вертеле жарится. Нет ее. Больше нет. Убили, твари. Девочку мою забрали.

– Утомонись, – толкает в спину Дробин. Но мне пох*й. Я даже не двигаюсь. Просто смотрю на лежащее рядом ее хладное тело.

– Попал ты Шторм, нет смысла в спектакль играть.

Глава 2

На столе снова лежал букет цветов, а парни бросали на меня смеющиеся взгляды. На пути от двери до рабочего места я чувствовала себя не в своей тарелке. Устало опустившись на стул, посмотрела на разноцветное уродство. Шикарные розы, подаренные моим бывшим, казались мне жуткой безвкусицей. Даже имя его теперь раздражало мой слух.

– Прости, но мы не удержались и съели шоколад, – раздался сбоку довольный голос Вани. Обернулась, строго посмотрев на сотрудника. Парень доедал последний кусочек сладости.

Не могла понять, о чем он. Половину ночи провела за письменной работой, закрывая

дела. Голова совершенно не соображала.

– Жених твой опять заходил. Цветы и шоколад оставил, – произносит с улыбкой, приседая на мой стол. – Вот я и сожрал сладость, знаю, что ты никогда не ешь его подарки.

Я снова бросила тоскливый взгляд на цветы. И не надоело Боре таскаться сюда каждое утро? Взяв букет, бросила его в урну.

– Жестокая ты женщина, – цокнул Ванька, а парни засмеялись.

– Не жестокая, гордая. А ты бы шел на свое рабочее место.

Настроения спорить с ним или вступать в дискуссии не было. Тем более, по поводу Бори. Я давно уже оставила этого человека в прошлом, вот только он никак не поймет, что ему тут больше ловить нечего.

Вот и Ванька понял, что дальнейшего разговора не получится и мирно капитулировался к своему столу.

Раздался звонок телефона. Откопав гаджет в недрах сумки, посмотрела на экран. По спине пробежал холодок. Шеф.

– Доброе утро, Филипп Петрович, – прочистив горло, проговорила.

Парни все как один замерли, уставившись на меня в ожидании. За каждым из них были грешки, за которые они могли получить по шапке. Вот и напряглись все разом. Кого на этот раз настигнет меч правосудия?

– Алена Валентиновна, зайдите.

Черт. Голос у шефа напряженный. Неужели, какие-то вопросы по последнему отказному? Вряд ли, там комар носа не подточит. Парни молча покосились на меня, в глазах у каждого сквозило облегчение.

Утром шеф обычно в плохом настроении, и вызывает только для одной цели. Ох, и чуйка подсказывает, что жареным пахнет.

В коридоре было полно сотрудников. Громкий галдеж посетителей не дает сосредоточиться. Еще и голова никак не хотела проходить. Остановилась у кабинета начальника, перевела дух. Но, стоило потянуться к двери, оттуда выскочил Дробин. Злой как черт, едва не сбил меня с ног.

Дробин – следователь по особо важным. Довольно скользкий тип, и я стараюсь контактировать с ним по минимуму. Тот еще сексист и женофоб.

– А, Романова, – при виде меня на лице мужчины появилась неприятная ухмылка. Глаза следователя блеснули злостью.

– Рвешься по карьерной лестнице вверх? – хохотнул, окинув меня пренебрежительным взглядом.

В горле пересохло от волнения.

– Я вас не понимаю, Константин Васильевич...

– Да все ты понимаешь, – он приблизился вплотную. Мне стало не по себе.

– Смотри, крылья то не обломай, а то падать больно будет, – процедил сквозь зубы. – Зря ты мне дорогу перешла, Романова.

Он прошел мимо, а мне понадобилось несколько минут, чтобы успокоиться. Всего пару фраз сказал, а ощущение, будто помоями облил, сволочь.

Толкнув дверь, прошла внутрь. Секретарь сделал мне знак проходить к Исакову.

– Доброе утро, Филипп Петрович! – постучав, прошла в кабинет. Шеф оторвал взгляд от бумаг и сделал мне знак устраиваться рядом.

Он выглядел напряженным. По всей видимости, произошло что-то серьезное, сам вид

Исакова заставлял нервничать.

– Алена, сколько дел у тебя в производстве?

– Три убийства, пять тяжких, ну еще по мелочи. Два из них на этапе ознакомления подозреваемого.

Мужчина нахмурился. Было видно, его что-то сильно терзает.

– Значит так. Заберешь материалы у Дробина. Он вчера взял под арест Шторма.

– Шторма? – по спине пробегает озноб.

Теперь-то я понимаю злость следователя.

– Но, Филипп Петрович, Шторм – разработка Дробина. Он столько времени за ним охотиться. Почему вы передаете это дело мне?

Шеф мечет в меня злым взглядом.

– Алена, приказы начальства выполняются молча. Поняла?!

Я киваю. Филипп Петрович опускает взгляд на документы, продолжает изучать их.

– Если передал тебе, значит, посчитал, что ты лучше всех справишься с этой задачей. Так что принимай в производство дело и начинай работу.

Грудь сжимает от тревоги. Я поднимаюсь из-за стола, направляясь к выходу. Но шеф меня окликает.

– Алена. Только имей в виду, дело на особом контроле.

Конечно, на контроле. Это ведь сам Шторм! Тот человек, которого боится весь город. И я знаю, что до недавнего времени Шторм подкармливал все начальство города, вплоть до следственного комитета и прокуратуры. А теперь, решили пустить его в расход? Кончилась дружба?

После разговора с шефом стало еще тревожней. Я понимала, что не заслуживаю это дело. Я молодой сотрудник, работаю всего пару лет в следствии. Показатели у меня хорошие, но это весьма странно, когда у опытного следака забирают его разработку и отдают молоденькой девушке...

Черт. Я и не знаю о Шторме практически ничего. Так, все на уровне городских баек. И сомневаюсь, что Дробин станет делиться со мной информацией. Ладно, к черту все сомнения. Делать нечего, придется браться за это дело.

Глава 3

У здания СИЗО я была уже в восемь. Полночи шерстила документы, изучала материалы дела, да и пыталась собрать любую информацию об этом человеке. Все хотела понять, почему он это сделал. Почему зарезал ту, которую любил. Если любил...

Ей было всего девятнадцать, ему сорок. Разве может вспыхнуть любовь при такой разнице в возрасте? Мне не верилось. В свои двадцать пять, я на тридцатилетних смотрю как на стареньких дедушек, а тут разница в двадцать два года. Что нужно было ему от девчонки и так понятно. Юное красивое тело, да и запросы, видимо, у девчонки были небольшими. Семья у нее неблагополучная. Из родных только мать, да и та пьет, как видно из материалов проверки. Участковый ее и опросить то нормально не смог, в силу неменяемого состояния последней.

А Шторм напротив – сложный игрок. Судя по данным нашей базы, под арест попало еще несколько людей из его группировки. Правда, один из них, его непосредственный зам, некий Белицкий, был вчера отпущен Дробиним. Совпадение? Странно все это...

Я мало что знаю о самом Русакове. Кроме слухов, да спорных статей из сети – ничего. Помню, дедушка в разговоре с Исаковым, рассказывал о времени, когда Шторм становился тем, кем является сейчас. Дедуля в то время работал прокурором города, и пытался упрятать за решетку последнего. А посадить удалось не удалось.

После того случая, группировка Шторма стала расти как на дрожжах. Буквально за пару месяцев в Штормовское ОПГ входило не меньше сотни бойцов. И нужно отметить, что львиная их доля – участники боевых действий.

Сколько бы я ни рыла информации, чего-то личного найти так и не смогла. Дробин передал мне только материалы проверки по факту убийства Ольги Данилюк. А все разработки по самому Русакову – мне этого никогда не увидеть.

Когда поднималась по ступенькам здания, почувствовала дрожь в ногах. Поймала себя на мысли, что еще никогда так сильно не нервничала перед допросом. Рядом с Русаковым нужно быть начеку. Ловить каждое слово и следить за каждым своим. Легкой встречи не будет – я была уверена. Но и пасовать не в моих правилах. Исаков прав. Если он доверил мне это – значит, я справлюсь. Шеф – умудренный многолетним опытом мужчина. Он не станет делать глупостей. Каждый его шаг – продуманное и взвешенное решение.

– Доброе утро, Алена Валентиновна, – улыбнулся Петя.

Стянув с плеча сумку, отдала ему удостоверение и свой мобильный. Постовой внимательно изучил содержимое моего саквояжа.

– Давно к нам не заходили, – забрав мой телефон, парень убрал его в специально отведенный для изъятой техники ящик.

Петина улыбка помогла немного снять напряжение.

– Вы всегда так делаете? – спросила, когда он вернул ко мне взгляд.

Парень замер в ожидании. Уголки его губ поднялись еще выше.

– Улыбаетесь, комплиментами сыплете, а гаджеты отбираете.

Петя ухмыльнулся.

– Он уже ждет вас. Проходите.

Справа от меня, у стены томился в ожидании конвоир. После того, как я поздоровалась с ним, мужчина повел меня по длинному коридору, время от времени открывая запертые двери на пути.

Перед тем, как пропустить меня в допросную, он окинул меня встревоженным взглядом.

– Как думаете, это, правда, Русаков?

Я была так занята мыслями о предстоящей встрече, что не сразу поняла, о чем он.

– Шторм. Он, правда, убил Оленьку?

Я многозначительно пожала плечами.

– Разберемся.

Прошла мимо него напрямиком в кабинет. А когда подошла к столу и увидела его... Так и замерла.

На стуле сидит. Крупный, плечи широкие, взгляд его цепкий, хваткий, по мне скользит. Достāju неспешно документы из папки, усиленно делая вид, будто мне все равно. А внутри все дрожит. Шторм исподлобья на меня смотрит, руки сцеплены перед собой. Чувствую себя школьницей. Слово и не он тут в кандалах, да за решеткой. Страшно мне внутри. И страх этот объяснить не могу, но он дико сбивает. Сердце в груди под сто сорок. Это раздражает меня. Я давно уже не юная барышня, боящаяся бандитов. За два года работы в органах,

научилась быть жесткой, где нужно, научилась общению с такими, как он. Но стоило мне войти в камеру, вся уверенность испарилась.

– А где Дробин? – спрашивает тихо. Голос глубокий, хриплый. Даже в нем чувствуется сила.

– Вы хотите видеть Дробина?

Кладу перед собой документы, устраиваюсь на стул, пряча от него руки. Делаю это специально, желая успокоиться.

– Я хочу видеть эту крысу, но только для одной цели, – он подается немного вперед, в глаза мои смотрит внимательно, а я просчитать его не могу. Ничего. Совершенно. Ни взгляда его, ни мимики. Он – закрытая книга. Сложная, непонятная и страшная.

– Уверена, у вас еще будет шанс пообщаться товарищем майором, а пока ваше дело веду я. Романова Алена Валентиновна, старший лейтенант...

Он не дает мне договорить. Откидывается на спинку стула, нагло улыбаясь.

– Они там, что совсем ох*ели? Списали меня со счетов, раз соплячке доверили мое дело?!

И в этот момент такая ненависть вспыхивает! Наглая, бандитская сволочь! Думает, я одна из его малолетних шлюх, которые бегают за ним, раскрыв от восторга рот? Нет уж. Не на ту попал.

В ответ я лишь скупо улыбаюсь.

– Наоборот, Михаил Александрович, чтят ваши вкусы, – теперь я подаюсь к нему. Смотрю в его лицо жесткое, и вдруг понимаю, что не боюсь его. От слова «совсем».

Его руки по локоть в крови, и каким бы властным и могущественным он ни был – я закатаю его по полной. Я сделаю то, что не смог когда-то сделать мой дед.

– Я так поняла, вам нравятся помоложе...

Он замирает. Лицо – каменная маска. Ни одной эмоции, а глаза его серые – мерзлота арктическая. Такая, что от одного касания обледенеешь.

Воцаряется тишина. Кажется, стук моего сердца слышен на всю комнату. И это бьет по нервам. Здорово так бьет. А потом происходит то, чего я никак не ожидаю. Шторм резко подается ко мне, заставляя отскочить в испуге.

– Я любил ее, – рычит сквозь стиснутые зубы. – Слышишь?! И та мразь, что сделала это с ней, поплатиться!

Это первые его эмоции.

– Вы утверждаете, что не убивали ее. А как же тот факт, что тело девушки было найдено во дворе вашего дома? А на орудии преступления были обнаружены отпечатки ваших пальцев?

Русаков встает из-за стола. Наступает на меня. Я должна позвать конвой. Я должна... Но я не делаю абсолютно ничего. Будто какая-то сила удерживает меня на месте. Интерес? Любопытство? Не знаю. Но я хочу понять, что он собирается сделать. Я хочу разобраться в его голове. Мог ли он совершить это зверское преступление?

Русаков вплотную ко мне. Я могу отступить, но знаю, что через пару шагов будет стена. И я не собираюсь позволять ему загнать себя в ловушку.

– Алена... красивая ты девка, умная... – его пальцы касаются моего лица. И в этот момент в груди словно замыкание. Вспышка, взрыв, я не знаю, как это объяснить. Я остаюсь на месте, позволяя бандиту трогать себя.

– Не лезь ты в это дело. Сожрут тебя и не подавятся... – в глаза мои смотрит, и холодом

крутит каждый орган от его взгляда. Неживой он. Полный темноты и боли.

Шторм отходит, возвращаясь на место, а меня только сейчас отпускает. Понимаю, что натворила. Злюсь на себя. Он же бандит, Алена! Он убийца, а ты только что позволила прикоснуться к себе. Тут же захотелось умыться.

– Я услышала вас, – возвращаюсь к столу. – Вы должны рассказать все до последней детали, – мой голос строгий, а движения слишком резкие. Я нервничаю. И он раскусил меня. Это полное фиаско.

Русаков ухмыляется. Пожав плечами, устраивается на стуле.

– Я не убивал ее. Это все, что я могу сказать. Я не шучу, Алена. Не знаю, с какой головы тебе доверили это дело. Не знаю, как Дробин позволил упустить его, видимо и на этого ублюдка у начальства большой зуб. Вот только тебе не справиться, девочка...

Я в ярости. Смотрю в его глаза наглые, и думаю о том, как таких земля то носит.

– Алена Валентиновна – это раз. А во-вторых, моя молодость и внешность не должна путать вас. Я не Ольга. И не поведусь на сороколетнего бандита, вдохновившись романтикой криминала.

Он молчит. Только взгляд его скучающий скользит по лицу.

– Я – не девушка, я – следователь, поэтому оставьте свои приемы на будущее... хотя, возможно, они вам не понадобятся.

Поднимаюсь с места, собирая документы в папку. На сегодня хватит.

– На этом все. Завтра мы поедем на следственные действия. Будьте готовы, – развернувшись, направляюсь к выходу.

– Нет, – раздается грозное за спиной.

Оборачиваюсь.

– Я не поеду туда. Не имеет смысла.

Удивительно, но после того, как я заявила, что мы вернемся на место преступления, в нем вспыхнула злость. Мучает совесть? Вряд ли. Я видела фотографии с места убийства. Тот, кто сделал это с юной девочкой – хладнокровный ублюдок. И все доказательства указывают на то, что это сделал он.

– Если вы не будете сотрудничать со следствием, вы получите огромный срок.

Его лицо кривится.

– Плевать. Я тебе все сказал. Вызывай конвоира.

Глава 4

Я смотрела на фото девушки, и внутри все сжималось в тугий узел. На главной, в соцсетях она такая юная, такая невинная. Огромные карие глазки, губы пухлые, носик тонкий, с чуть вздернутым кончиком. Куколка. На такую только любоваться. Только холить ее, да пылинки сдувать.

Я вспоминала наш разговор со Штормом в допросной. Точней, если можно назвать разговором то, что там произошло. По сути, Русаков просто послал меня.

И как бы то ни было, что-то не складывалось в этой картине. Будто кусочки пазла до жути похожие на нужные, но при сопоставлении нет идеальности. Я не могу понять его мотива. Ревность? Но судя по рассказам соседей, Оля только о нем и грезилась. Да и город весь знал, что она со Штормом, вряд ли кто-то решился бы наставить ему рога.

И Шторм этот. Станный он. Ведет себя ведь так, будто злитесь на весь мир. Перевожу

взгляд на листок бумаги, исписанный ровным подчерком судмедэксперта. Две колото-резаных раны. И тесак огромный, кухонный. Он ее насквозь им прошел. Сволочь. Тут же тошнота по горлу поднимается. Как можно было так с ней?

– Ален, – над головой раздается голос Ваньки.

– Идем, чайку попьем. Ты уже три часа от этих бумаг не отлипаешь.

Я киваю и следую за ним в соседний кабинет, где у нас чайник и кофемашина.

– Не пойму, зачем? Зачем ему было убивать ее? Тем более, сейчас, когда под него усиленно копают.

Устраиваюсь за пустой стол. Иванов на следственных действиях, и я могу спокойно выпить чай. Пока Ваня готовит перекус, я усиленно роюсь в интернете.

– Послушай, тебе нужно поговорить с Дробиним. Там ведь всю банду Шторма взяли. С Белицким этим встретиться, с правой рукой Русакова. Шторм далеко не прост, уверен, если начнешь копать, найдешь огромный клад, с которым он потянет на пожизненное...

Ванька прав. Только Дробин мне и слова не скажет. Уверенна, он будет давить до последнего на Шторма. Костя хочет от него какую-то выгоду. Деньги? Услугу? Да мало ли что. Шеф спутал ему карты передачей дела в мое производство. И теперь мне ни за что не дожидаться от него помощи.

Раздался стук в дверь.

– Да, – рыкнул недовольно Ваня.

В проеме появился мужчина. На нем был темно синий брючный костюм, а в руках он держал кожаный портфель с бумагами.

– Добрый день, Мне нужна Алена Валентиновна.

– Это я...

Незнакомец внимательно посмотрел на меня и прошел в комнату.

– Косарев Илья Максимович, адвокат Русакова Михаила Александровича. Я не смог к вам дозвониться. Хотел узнать по поводу завтрашних следственных действий.

Я вдруг вспомнила, что мой телефон так и остался лежать в сумке под вешалкой, в углу кабинета. После того как получила результаты экспертиз по телу девушки, головы не оторвала от бумаг.

– Да, простите. Телефон был на беззвучном, могла не слышать. Завтра в восемь утра. Русакова привезут сразу к месту происшествия.

Мужчина кивнул. С первого взгляда он не производил плохого впечатления. Обычно адвокаты вызывали у меня стойкое желание пойти помыться. Всегда скользкие, ядовитые. А у этого глаза такие добрые, мудрые. Мужчина был средних лет, в волосах проскакивала седина, а исчерченное морщинами лицо было печальным.

– Я бы хотел поговорить с вами наедине.

– Да, конечно, пойдете, – я прошла к двери и завела мужчину к себе в кабинет. Устроившись за столом, жестом пригласила его присесть.

– Алена Валентиновна, прежде всего, я хотел бы выразить свою радость, что дело Михаила доверили вам.

Мне не нравились его слова. Я не слышала в них комплимента, наоборот, они резанули.

– Вы считаете, вам проще будет разбить мои обвинения? Не советую вам думать также, как это делает ваш подзащитный...

Он кивнул. Обернувшись, нервно посмотрел по сторонам. И когда убедился что мы одни, вернул ко мне взгляд.

– Все совсем не так, как кажется. Алена Валентиновна, я вас прошу, убедительно прошу, провести тщательно расследование. Со своей стороны я подключу всех возможных свидетелей. Вам любой знакомый Шторма скажет, как сильно он любил Олю. Вы знаете, я бы поверил, что Шторм убил кого-то из-за нее. Но убить любимую... Нет.

– У меня результаты экспертизы. И они говорят об обратном...

Он кивнул, поправляя очки на переносице.

– Алена Валентиновна. В случае нашей победы в суде, пострадаете вы, не Дробин. Понимаете? А это дело мы выиграем.

А теперь я вообще не понимала сути этого разговора.

– Раз выиграете, так вперед, Илья Алексеевич. А сейчас не занимайте мое рабочее время.

Он разозлил меня. Чертов адвокат. За кого они принимают меня? За юную дурочку?

Голова раскалывалась. Но собранная мной информация рисовала более полную картину. За Штормом значилось несколько всяков. Торговля оружием, нелегальным алкоголем и, возможно, наркотой. Обычный бандюк, возомнивший из себя бога. Много лет он с легкостью уходил от правосудия, но сейчас что-то пошло не так. Я не дура. Понимаю, что в деле с Ольгой все очень крепко схватились за него. Если бы хотели, и тут закрыли бы глаза на преступление. Но они не стали.

Черт. Голова не варила. На завтра включила в план съездить в универ к Ольге и пообщаться с ее подругами. Ромке, нашему хакеру, дала задание взломать ее страницу в ВК. Парень обещал сделать это не позднее завтрашнего утра. С меня две бутылки Rémy Martin.

Собрав вещи, вышла из отдела. На этаже уже никого не было. Посмотрела на время – десять вечера. С этой работой вся жизнь мимо проходит. С грустью подумала о том, что дома пустой холодильник, а ехать в магазин за продуктами не было сил. Да и домой я не скоро доберусь. Сегодня нужно было заехать еще в одно место.

В кармане зазвонил телефон. Дедушка. Прикрыла глаза. Черт, забыла, что сегодня он собирался на день рождения к Кошечеву – старшему. А идти на праздник к отцу Бори я не собиралась ни при каких обстоятельствах.

– Да, дедуль, – прочистила горло.

– Алена, куда ты пропала? Мероприятие уже в самом разгаре, а тебя нет!

В голосе дедушки звучал укор. Но даже его строгий тон в данной ситуации ничего бы не изменил.

– Прости, у меня срочное дело. Нужно одного человечка опросить. Прости родной, но придется тебе самому отдуваться перед Кошечевыми.

Я засмеялась неловко, а он молчал. Долгие несколько секунд. И эта тишина была по нервам.

– Ты время видела? Какие дела?!

Устало зажмурилась.

– Ты же сам знаешь, какая у меня работа.

Вздыхает тяжело. Но аргумент железный, не поспоришь.

– Ладно. Скажи хотя бы, где ты. Мало ли что, я должен знать.

Закатила глаза, сетуя на то, что он со мной, как с маленькой.

– Бар «Эра», на Островского.

Дедушка молчит. Он знает об этом баре. Да кто не знает? Он ведь принадлежит

Шторму.

– Хорошо. Только к полуночи будь дома.

Прежде чем зайти в здание, несколько секунд постояла в тишине у входа. Этот клуб пользовался дурной славой. Сосредоточение наркоты и разврата. Если хочешь дозу, тебе сюда. Помню, во времена студенческой жизни мои однокашники часто зависали здесь. И очень много плохих историй происходило в этих стенах.

Я бываю иногда в баре при этом клубе. Могу зайти раз в пару месяцев, когда накрывает от усталости. И я знаю, что здесь есть один человек, способный хоть немного пролить свет на ситуацию. Он имеет непосредственное отношение к Шторму.

В баре уже почти никого не было. Стоило зайти в зал, в нос ударил запах спиртного и жареной картошки.

Устало опустившись на барный стул, посмотрела на экран телефона. Три звонка от Бори. Господи, как я устала от его присутствия в моей жизни. Наверняка, узнал от отца, что меня не будет на празднике. Теперь обрывает телефон.

– Привет, красавица. Давно тебя здесь не было, – раздается над головой приятный бархатный голос.

Улыбаюсь, сбрасывая с себя все посторонние мысли и усталость.

– Эдик, оставь свои комплименты для юных дев. Налей лучше.

На губах Эдика появляется улыбка. Не из числа тех, что он дарит каждой клиентке. Не-е-ет. У нас с ним давняя дружба, и я знаю, что Эдик в глубине души мечтает сделать так, чтобы эта дружба переросла в нечто большее. Но, как сказал когда-то он сам, такие девочки как я не водятся с такими шалопаями.

Бармен ставит передо мной бокал с вином.

– Новая тату? – киваю на руку.

Из-под закатанного рукава его рубашки виднеется часть узора. Эдик задирает одежду, не без гордости демонстрируя мне рисунок во всей красе.

– Что-то мне это напоминает, – задумчиво рассматриваю изображение известной скульптуры Родена.

– А вы, товарищ следователь, еще и в искусстве разбираетесь? – смеется парень.

Я молча отпиваю алкоголь.

– Тяжелый день? – хмурится Эд.

– Не то слово...

Осматриваюсь по сторонам. Людей сегодня немного. Неудивительно, в будни тут всегда так. Именно за это я и люблю этот бар – за спокойствие.

– Эд, я на самом деле к тебе по делу.

Эдик делает испуганное выражение лица.

– Я никого не убивал, ночью спал в своей собственной кровати, это может подтвердить Семен.

Поднимаю на него глаза.

– Семен?! Твой бультерьер?

– Он очень умный, разве что не говорит.

Я начинаю смеяться. Ей богу, за этот безумной сложный день мне впервые хорошо.

– Семен парень умный, я не спорю... но, скажи мне вот что, Эд. Ты же у нас все знаешь. С людьми общаешься и тебе доверяют...

– Бармен и психолог – практически равнозначная профессия, – улыбается, натирая бокал. – Ничего не могу поделаться со своей внешностью. Она располагает людей к откровенным разговорам.

Располагает людей алкогольное опьянение, а его внешность лишь подталкивает одиноких дам тратить здесь больше денег.

– Шторм... ты же в курсе, что его взяли на днях?

Лицо Эда вмиг теряет даже намек на улыбку. Взгляд парня становится напряженным. Подавшись ко мне, он шепчет.

– Слушай, Ален, ты такими вещами не играй, ладно? – озирается воровато по сторонам.

– Здесь, знаешь ли, даже стены начинают слышать при упоминании этого имени.

– Ну, так давай выйдем и поговорим.

Он качает головой.

– Не катит, красотка. Все что угодно, но только не это... Нам строго-настрога запретили любые разговоры о шефе.

Резко поднявшись со стула, подаюсь к нему. Между нами считанные сантиметры. Клянусь, я чувствую страх, исходящий от каждой клеточки его тела.

– Не заставляй меня применять силу, Эдик. Я пришла к тебе по-дружески, но могу ведь и заставить...

Улыбается нервно. А глаза с губ моих не сводит.

– Красивая ты, Аленка. Трах*ться с тобой – бьюсь об заклад – сущий кайф. Но вот характер у тебя ссученный.

– Так я же мент, – улыбаюсь, выпуская его. Стягиваю со спинки стула сумочку.

– Через десять минут у заднего входа в клуб. Не появишься, приду с подкреплением.

– За что меня брать, красотка? – летит вслед его вопрос.

Обернувшись, смеряю парня усталым взглядом.

– Да хоть за наркоту, которая лежит у тебя в нагрудном кармане.

Вижу, как расширяются от удивления его глаза.

– Что там у тебя, химия? Нефедрон?

Молчит.

– Ну вот и отлично. Не опаздывай, Эдик. Не заставляй девочку ждать.

Телефон снова разрывается от звонков. Боря. Выключаю звук, и в этот момент вижу пришедшее от Ромки сообщение.

«Все сделал. Инфа у тебя на почте. С тебя две бутылки.»

Смеюсь, набирая текст.

«С чего вдруг подорожание тарифа?»

«За сверх срочность».

Ну и хитрец. Захожу на почту и открываю только что пришедшее сообщение. Новый логин и пароль страницы Ольги в ВК. Отлично. Будет чем заняться этой ночью.

Слышу грохот двери за спиной. Эдик спускается по ступенькам. Закурив сигарету, недовольно хмурится.

– Только давай по-быстрому...

– Шторма взяли за убийство Ольги Данилюк. Ты знаешь, что у них были за отношения?

Эд усмехается.

– Да весь город знает, Ален, кроме тебя.

Поднимаю на него колющий взгляд, он тут же успокаивается.

– Любовь у них была. Олька познакомилась с ним в клубе, день рождения было у одного из братков Шторма. Короче, снесло крышу девчонке. Универ прогуливать стала, все к нему моталась из дома. В последнее время так вообще, поселилась у него...

– А родители ее что говорили? Ей же всего девятнадцать было, а ему сорок один.

Мне интересно послушать, что скажет об этом Эдик.

– Да ничего не говорили. Отца нет, а мать алкашка. Ее кроме бутылки водки не интересует ничего. И не заметила, что девчонки нет. А та счастливая была...

– Счастливая..., – произносят беззвучно губы.

– А какие у них со Штормом отношения были? – Может, ссорились часто или ревновал ее?

Эд нервно озирается по сторонам, делая очередную затяжку никотином.

– Ты как первоклашка, Ален, – усмехается нервно. – Сама подумай, бандит, держащий весь город. Будет он нежным и мягким с телкой? Пусть даже с самой красивой в городе? Такие, как он используют, а потом выбрасывают, как хлам ненужный.

– То есть, он мог убить во время ссоры?

Он кивает.

– Думаю так и было. Олька в последнее время нервная какая-то была. Два последних раза она зависала в клубе без него, с подружками. Слышал, будто она уйти от Шторма хотела. Из-за его дел криминальных ей прилетало частенько. Один раз чуть не похитили ее, благо, вовремя Белицкий подъехал, отбил девчонку. Прямо посреди дня пытались в машину ее затолкать.

Это было похоже на правду.

– А ты как к нему относишься? К Шторму?

Эд пожал плечами.

– А мне то что? Так, в целом он мужик нормальный. Хоть и бандос, но при нем в городе всегда порядок. Да и в клубе никто не трогает, работай себе, и в ус не дуй.

– А что сейчас будет? С клубом?

– Не знаю. Пока Шторма нет, вместо него Белицкий должен быть. Его вроде как из тюрьмы выпустили. Сегодня совещание провел. Команда дана одна – работать в прежнем режиме. Пока никто нас не закрывает, да и смены власти не ожидается, – он тушит сигарету.

– Если ваш брат Шторма в тюрьме не пришьет...

Белицкий. Снова и снова всплывает фамилия этого мужчины. Нужно будет завтра вызвать его к себе, поговорить.

– Ладно, пора мне, – хмурится Эд, нервно переминаясь с ноги на ногу.

Мы прощаемся, после чего Эдик поднимается по ступенькам и исчезает за дверью. А я не успеваю и шагу ступить, за спиной раздается автомобильный гудок. Вздвогнув от неожиданности, оборачиваюсь.

В нескольких метрах от меня, на проезжей части останавливается черный Рейндж Ровер, за рулем которого сидит Боря. На его губах улыбка, которая когда-то казалась мне обаятельной.

– Прости, твой отец сказал мне, что ты в этом баре. Не хотел, чтобы возвращалась одна домой.

Глава 5

Всю дорогу я старательно игнорировала его. Мысли были заняты Штормом и его убитой девушкой. Боря держал обещание, не приставать и не досаждать вопросами. Но хватило мужчину до того момента, пока мы не подъехали к дому.

– Ален, я хотел позвать тебя завтра на ужин. В центре открылся новый ресторан...

– Борь, хватит, – бросаю на него резкий взгляд. – Хватит звонить, приходить, хватит осаждать меня цветами и конфетами. Я не прощу, слышишь? Я тебе сразу сказала, единственное, чего я никогда не прощу – это измена. Все кончено. И друзьями нам никогда не стать.

Он молчит. Я тянусь к ручке, но когда дергаю за нее, пытаюсь открыть дверь, понимаю что та на блокировке.

– Прости, но я не могу перестать это делать, Ален. Я не могу выкинуть тебя из головы, не могу перестать волноваться и думать, как ты пойдешь одна по ночной улице.

В его голосе сквозила обида. Я прикрыла глаза.

– Борь, хватит...

– Да, я изменил тебе. Но если бы можно было вернуть время вспять.. – Кощеев кривится, опуская голову на сложенные на руле ладони.

– Я был пьян, я был не в себе. Одна ошибка, Ален.. Это, бл*ть, так жестоко, лишать человека шанса из-за одной ошибки. Ты же любила меня... по крайней мере, говорила об этом. Так почему в один день я просто перестал для тебя существовать?

Он пытается сделать меня виноватой. Прекрасно. Я уже и на это согласна, только пусть перестанет мелькать перед глазами.

– Боря. Открой. Машину.

Мужчина кривится. Но послушно разблокирует двери. Отвернувшись, смотрит в окно, сжимая руль до белых фаланг. Я не хочу с ним обсуждать это. Снова и снова окунаться в то дерьмо у меня нет никакого желания. Все в прошлом. Одна ошибка или две – мне совершенно не важно. Он предал меня. А предателям я шансов не даю.

Половину ночи изучала сообщения в ВК. Ничего, особенного я там не увидела. Девочка, действительно, была с характером. И судя по ее общению с подругами, у меня не возникло ощущения, будто ее тяготили отношения со Штормом. Наоборот, практически каждой собеседнице она хвалилась то новой шубкой, то поездкой на море и новым кольцом от любовника. Кто-то из подружек восторженно вздыхал и советовал ей раскрутить Шторма посильней. На новую машину и квартиру. Кто-то наоборот, говорил, что он для нее совсем не пара, и что Оля хлебнет еще горя. В ответ на такие сообщения, девушка злилась и посылала подруг к черту. Как я поняла, к моменту смерти приятельниц у нее осталось совсем мало.

Одной девочке, по всей видимости, лучшей подруге, незадолго до гибели, Данилюк писала о ссоре со Штормом. Он обидел ее. Не пришел домой ночевать, и она заподозрила его в измене. Оля писала, что хочет пожить пару дней у подруги, но та отказала.

«Мне нужно уехать. Я исчезну из города. На телефон не звони, когда смогу, выйду на связь.»

Это было последним из сообщений, датированное днем, предшествующему дню убийства.

Я выпрямилась, встала со стула, разминая затекшую шею.

Оля уехала из города, после ссоры. Шторм нашел ее, вернул. По всей видимости, она

отпиралась, не желая оставаться с ним. И, будучи на эмоциях, он зарезал ее. Все сходилось. Складывалось в единый пазл. Наконец-то это дело перестало быть для меня загадкой. Прикрыла глаза, стискивая виски. Голова была тяжелой от усталости. Нужно хорошенько поспать. Посмотрев на часы, ужаснулась. Пять утра. Подъем через два часа. Просто отлично.

Я была на месте уже в девять утра. Дом Шторма выглядел чересчур богато и броско. Высокое четырехэтажное здание с отделкой из белого камня. Высокие кованые ворота с причудливыми узорами на верхушке. Да уж, для того, чтобы такой дом отгрохать и содержать, нужно немало средств. А когда я задумалась о том, каким путем они были заработаны, стало совсем противно. И белоснежное прекрасное творение в моих глазах вдруг превратилось в уродливое и безвкусное здание.

Спустя минут пять после моего приезда, к воротам подъехал автозак. Неподалеку был припаркован автомобиль адвоката. Поздоровавшись с Косаревым, направилась к машине.

Забравшись внутрь, устроилась на сидении, расположенном напротив клетки, в которой находился Русаков. Я старалась не смотреть на него. Поздоровавшись с конвоем, принялась набирать фабулу протокола, дабы не терять время на следственном эксперименте.

Взгляд случайно скользнул по задержанному. Русаков показался мне еще выше и крупней, чем в камере. Шторм сидел, откинув голову на корпус машины, руки в браслетах были сложены перед собой. Он смотрел на меня из-под полуопущенных ресниц. Неотрывно смотрел, в упор. И взгляд его буквально сочился презрением и насмешкой.

Сердце забило в тревоге. Также, как это было в камере, на допросе. Я вернула взгляд к бумагам, попытавшись сконцентрироваться и сбросить стойкое ощущение страха. Но ничего не помогало. Руки дрожали, стали ледяными. Меня раздражал его пристальный взгляд.

– Может, вы прекратите это делать?

Я не выдержала первой. Подняла глаза на мужчину. Уголок его губ слегка дернулся вверх, в наглой, ехидной улыбке. Он был другим сейчас. В камере во время допроса Шторм выглядел враждебно, но чувствовалось, что ему больно. А сейчас... он будто был хозяином положения. И этот его надменный взгляд заставлял меня нервничать.

– А ты ведь внучка Романова, – процедил сквозь зубы имя моего деда. – Старый лис так мечтал посадить меня... – смеется. – А я то думаю, лицо знакомое.. Теперь ясно в кого ты такая с*чка...

Я была не готова к его нападкам. Удивленная осведомленностью Русакова, лишь опустила взгляд на бумаги и продолжила делать записи.

– Эй, ты, за разговором следи! – рыкнул один из конвоиров, ударив по решетке дубинкой.

А Русакову хоть бы хны. Продолжает улыбаться, раздражая меня пристальным взглядом. И я вдруг понимаю, что ни секунды больше не смогу находиться здесь.

– Выводите подозреваемого. Через пять минут начинаем.

Собрав документы, буквально пулей вылетаю из машины. Вдыхаю воздух, наполняя свежестью легкие и голову. Не знаю, почему я так реагирую на слова этого бандита. Почему они так задели меня? Нет. Не в словах дело. Я много гадостей слышала в свой адрес и научилась пропускать все мимо ушей. Но его взгляд надменный, смеющийся. Мерзко так от него, до внутренней дрожи пробирает.

– Алена Валентиновна, – ко мне подошел его адвокат. Удивительно, как сильно мужчина отличался от своего подзащитного. Как я поняла, Косарев знает Русакова не первый год.

– Мы не могли бы начать? У меня судебное заседание в двенадцать. Боюсь не успеть.

Я кивнула. Подошла к воротам, прижимая к груди папку с документами. Сделав глубокий вдох, приготовилась к новым колкостям и гадостям. Я не должна реагировать на его нападки. Мне нужно выбить из Русакова показания. Самой. Иначе у меня будут проблемы.

Я как раз открывала ворота ключом, когда раздался звук открываемой двери и лязг наручников. Обернувшись, застыла, не в силах отвести взгляд. Конвоир, отстегнув одну руку Шторма, пристегивал браслеты к своей.

Русаков стоял неподвижно. Ветер трепал его русые волосы. В прищуренном взгляде мужчины не было ни одной эмоции. Холод и темнота.

В очередной раз отметила, насколько он был огромным. Подумать только, вооруженный до зубов мент проигрывал совершенно безоружному заключенному. От Русакова такая мощь исходила, она резонировала невидимыми волнами от всех окружающих нас поверхностей. Сам воздух с появлением Русакова стал более густым и тяжелым. Мне кажется, если бы Шторм захотел, полицейский мог от одного только взгляда поскользнуться и упасть.

– Ну и на кой х*р ты меня сюда привела? – вырвал из размышлений его надменный тон.

Русаков смотрел на дом так, словно это совершенно незнакомое ему здание. Я бросила взгляд на Косарева. Адвокат нервничал. Мужчина понимал, что своим поведением Шторм сам себе копает яму. Но сказать ему что-то против он боялся.

Мне и самой было не по себе. Несмотря на окружающую нас охрану в лице конвоиров, я чувствовала себя маленькой напуганной мушкой, пойманной огромный ядовитым пауком. Русаков стоял в паре шагов от меня. И даже на таком расстоянии я не могла собрать себя воедино. Он словно разбирал меня по частям, выворачивал наизнанку и путал мысли. И все это делал одним только присутствием рядом.

– Мы находимся во дворе дома, принадлежащего вам. Здесь нашли тело убитой Ольги Данилюк, – произношу, прочищая горло. – Вы должны рассказать о том, что здесь произошло.

Он смеется. Смотрит на меня в упор, растянув губы в улыбке.

– Ты уверена? У меня другая идея, следачка... Везешь меня обратно в камеру и отказываешься от дела.

Конвоиры переглядываются между собой. Представляю, как я выгляжу в их глазах. И меня вдруг накрывает. Какого черта он тратит мое время?! Почему в ответ на уважительное отношение я получаю агрессию и оскорбления?!

Подхожу к нему вплотную. Задрав голову, смотрю в его глаза точно также, как несколько минут назад это делал он.

– У тебя забыла спросить, что мне делать, – рычу сквозь зубы. Он замирает, ошеломленный такой переменной во мне.

– А тепер,ь послушай меня. Если не будешь содействовать, я посажу тебя в пресс хату, и уже к ночи у тебя будет только два выхода. Либо сознаться, либо сдохнуть отвратительно-позорной смертью. Выбирай, Русаков. Как ты собираешься провести ближайшие месяцы.

Когда я произнесла это и замолкла, поняла, что меня трясет. Противно от собственных слов. Это был блеф, и я ненавидела себя за сказанное, но Шторм не оставил мне выбора.

Уголок его губ дрогнул, приподнявшись в намеке на улыбку. От нее кровь в венах застыла.

– Ты думаешь, я боюсь кого-то? – шепотом, чтобы только я могла услышать. Ветер уносил его слова подальше от окружающих нас людей.

– Маленькая, глупая следачка, – процедил с презрением. Наклонившись ближе, в глаза

мои посмотрел. – Сойди с пути. А еще лучше, передай это дело Дробину. Только ему я расскажу все как есть.

– И чем же Дробин отличается от меня? – произношу со злостью.

– Я уничтожу его. И это принесет мне огромный кайф. А на тебя мне пох*р, Романова. Даже если я тебя с особой жесткостью разделаю, у меня даже не встанет.

Его слова будто нож под ребра. И смотрит так с ехидством, проворачивая его. Разве может быть столько ненависти в одном человеке? Разве должно быть так, чтобы власть была в руках жестокого мужчины, подобного Шторму? Скольким людям он жизни стубил за время своей деятельности? Скольких продажных крыс в органах подкупил и заставил закрывать глаза на свои преступления? Он ведь не боится ничего. Словно знает, что есть у него сильная рука, способная вытянуть даже со дна Марианской впадины.

Ничего ему не отвечаю. Открыв ворота, поднимаюсь по ступенькам крыльца. Ключи в моей руке жгут кожу. Или это его внимательный взгляд?

Распахнув входную дверь, прохожу внутрь и зову конвоиров за собой. Мужчины заводят Русакова, и мы останавливаемся посреди гостиной.

Осмотревшись, отмечаю про себя идеальную чистоту в доме. Наверняка, здесь трудятся около десятка домработниц.

– Где началась ссора? – задаю вопрос в лоб.

Замечаю то, как поменялся Русаков. Как только мы зашли в его дом, он присмирел, стал тихим.

– Ссора?

Он хмурится недоумевающе. А я достаю бумаги и демонстрирую ему распечатку переписки Ольги с подругой.

Шторм внимательно изучает записи. Его лицо – каменная маска.

– Ольга написала подруге, что хочет сбежать, что боится вас. Вы поссорились, ревновали ее? Что происходило между вами?

Он напряжен. Пальцы его так сильно впиваются в бумагу, что на фалангах выступают белые пятна. Его челюсти стиснуты, на лбу залегли морщины. Но когда мужчина поднимает ко мне взгляд, в нем уже нет никаких эмоций. Снова чистая надменность и высокомерие.

– Хорошо, я расскажу тебе, – выдыхает устало. – Все началось в ванной.

Не верю в его податливость, но мне нужно и дальше выводить Шторма на эмоции. Нужно пробить эту крепкую стену, которую он возвел перед собой. Я хочу знать правду, и он даст мне ее. Русаков – далеко не робот, хотя очень хочет таковым казаться.

Я делаю знак конвоиру отрыть дверь в указанную комнату. Пока записываю данные в протокол, чувствую на себе взгляд Русакова. Под кожу мне забирается, в мыслях моих копошиться, в чувствах. Рассматривает меня будто диковинку.

– Илья, выйди, – командует адвокату, переступая порог комнаты.

Я молча наблюдаю за тем, как адвокат послушно покидает дом. Впервые такое вижу. Обычно подследственные цепляются за защиту так, будто пятилетние дети за родительский подол, не желая оставаться одни. А тут такое хладнокровие и наплевательство.

Несмотря на достаточно большие размеры комнаты, в присутствии Русакова она кажется мне конурой. Шторм буквально закрывает собой свет, заполняет все пространство. Конвоир стоит с другой стороны от него, и чтобы поместиться, я вынуждена прижаться к правому боку Шторма.

Мне жутко неуютно. И воздух. Он до последнего кубического сантиметра пропитан

Штормом. Его аромат такой необычный, не похожий ни на что. Нет. Это не парфюм. Русаков сидит в СИЗО, где из всей косметики доступно только хозяйственное мыло. Его кожа. Она имеет свой индивидуальный запах. И это не что-то сладкое или модное, чем пахнут красивые и привлекательные парни на дорогих тачках. Нет. Это сложное сплетение различных запахов и явлений. Я чувствую аромат грозового неба, когда воздух сгущается, когда в нем повисает некая тревожность, ожидание скорейшего ненастья. И в то же время Русаков пахнет чем-то уютным, крепким, сильным. И странно, что сила эта кажется не деструктивной, а как раз наоборот.

– Алена Валентиновна, – слышу голос конвоира. Вздрагиваю, понимая, что меня поймали с поличным. Русаков молча смотрит на меня сверху вниз. Снова ведет себя так, будто здесь все ему обязаны.

– Вы ссорились, – произношу, прочистив горло.

Он кивает головой. В каждом его движении и слове легкий оттенок лени, неспешности.

– Она кричала, что не хочет меня знать, – голос хриплый. – И что я грубое животное. Еще говорила, что ненавидит меня, и что я больше ее не увижу...

Я записываю каждое слово. Стараюсь не чувствовать, не анализировать его действий. Пока мне нужны сухие факты.

– И что сделали вы? – поднимаю на него глаза, закончив с документом.

А он все это время наблюдает за мной. Взгляд прищуренный, голова немного набок наклонена. Смотрит, выжидает. Будто не об Ольге говорит, будто обо мне. Мне это не нравится. Я не могу понять, чего он пытается добиться, и от этого нервная дрожь бьет по телу.

– Я был зол, хотел успокоиться. Сказал ей, чтобы проваливала в свою комнату, а сам ушел в кабинет. Выпил.

– А потом?

– Потом, – усмешка. Проводит тыльной стороной ладони по губам. – Я долго курил у окна. Хотел, чтобы она успокоилась, – произносит это и замолкает. Вдруг глаза поднимает к задернутому шторами окну.

– А самое обидное, знаешь что? – возвращает ко мне взгляд.

Я молчу.

– Я никогда ей не изменял, – усмехается. – Ни одной бабы с тех пор как она моей стала... Оля часто кидала мне в рожу предьявы. Она была вспыльчивой, и сначала говорила, а потом думала...

– Дальше. Что вы делали после?

– Вот здесь, – он подошел к ванной, на бортик указал.

– Я в комнату зашел, а она голая, – взгляд его хитрый, довольный по мне скользит. – Капли стекали по ее коже так, словно конденсат по прозрачной бутылке колы в жару. Она ведь такая же сладкая была, и вкус ее как у шипучки. Голову сносило напрочь, с первого глотка.

– Русаков! – прорычала. А у него глаза буквально в секунду тьмой заполонило. Резкий толчок, и конвоир больше не в комнате. Шторм резко хлопает дверью, но ее не дает закрыть только цепочка от наручников.

– Что ты делаешь?! – рычу на него, а сама боюсь до чертиков. Конвоир пытается вытолкать дверь, а Русаков всей массой на нее наваливается и улыбается, нагло пожирая меня глазами.

– Ты просила, я говорю, – резкий выпад руки, он хватает меня за шею и к себе тянет. Не успеваю опомниться, как оказываюсь в его хватке. Его лицо так близко. Я чувствую дыхание его кожи на своей. Меня лихорадит. Я слышу крики конвоиров, они собираются использовать оружие и ждут моей команды. Но, отчего-то, я ее не даю....

– Трах*л я ее, а она любила это дело, – его губы у моего виска. Чувствую, как ноздрями запах мой вдыхает, сильнее стискивая пальцами мою шею.

– Порой казалось только из-за этого скандал закатывает. Жадной была, горячей как сам ад, – хрипло, без конца касаясь меня то подбородком, то кончиком носа.

Прикрываю глаза, понимая, что проиграла. Он не скажет ни слова. С первой минуты он просто издевался надо мной.

– Отойди от двери. И убери руки. Иначе тебя пристрелят прямо здесь, – цежу в ответ. А сама в стену смотрю. Боюсь на него взглянуть. Боюсь увидеть в его глазах то, что уже и так поняла. Свое фиаско.

– Вот и отлично, следачка, – с улыбкой. – А теперь, будь хорошей девочкой, верни меня обратно, где взяла. И Дробина ко мне пригласи... – шепот по коже горячим дыханием. А потом его руки выпускают меня, слегка отталкивая.

Все происходит быстро. И страшно. Спустя несколько секунд Штурм лежит на полу, придавленный ботинками конвоиров. К его голове приставлено дуло автомата. А мне нужно срочно на воздух. Подальше от всего. И когда я прохожу мимо, к выходу, он поворачивает голову в мою сторону и я ловлю его смеющийся, довольный взгляд.

Глава 6

– Филипп Петрович, – я пыталась объяснить, но шеф не давал мне и слова вставить. А еще десять пар мужских глаз с ехидством смотрели на меня. Хотелось провалиться под землю. А еще лучше, закопать поглубже Штурма.

– Романова, я не хочу ничего слышать! К завтрашнему обеду протокол следственного действия с показаниями Русакова должен быть у меня на столе! Ты понимаешь, что мы нарушаем все сроки?! Мы имеем дело не с простым дебоширом, пойманном на улице!

Конечно же, я все понимала. Но мне нечего было ответить. Шеф прав. И слушать мои оправдания никто не станет. Тем более, что я скажу?

– Что с другими делами? Ты материалы за прошлую неделю сдала?

По спине пробежал холодок. С этим делом я не успевала. Материалы лежали в моем столе и с каждым пройденным днем грозились стать причиной привлечения меня к дисциплинарке. Чертов Русаков, он просто голову мне забил, и все свое время я отдавала ему.

Спустя мучительно долгие двадцать минут совещание, наконец-то, подошло к концу. Шеф, раздав тумачков всем и каждому, подкрепил их нарезкой срочных задач. И когда мы выходили из его кабинета, каждый из присутствующих чувствовал себя немного вымотанным.

Я прошла по коридору и остановилась у стенда с лучшими работниками отдела. Хотела пропустить толпу у лестницы, дабы не толкаться с ними. Подумала о том, что сегодня придется ночевать в отделе. До конца рабочего дня оставалось совсем ничего, а мне еще нужно заехать в СИЗО к Русакову. То, что он сделал сегодня утром – не влезает ни в какие рамки. Я должна поставить его на место, и добиться содействия.

В кабинете все были на месте. Как только я вошла, ребята странно замолчали. Каждый

из них бросал на меня беглые взгляды. И это дико раздражало.

Не успела я добраться до своего места, открылась дверь, и в помещение вошел Дробин. При виде него, все, как один, резко опустили глаза. Кто в монитор компьютера, кто в бумаги. Каждый усиленно делал вид занятости.

Он прошел мимо, ни одного не удостоив даже взглядом. Нагло усевшись на стул, посмотрел на меня с ехидством.

– Я долго думал, почему Исаков забрал дело, которое я вел на протяжении полугода, – произнес с ленивой улыбкой, задумчиво рассматривая карандаш, стянутый у меня со стола.

– Дело на человека, на которого у меня было столько разработок и планов, что хватило бы на пожизненное. Думал, не доверяет мне шеф. Может, я себя показал плохо, что позволило ему думать обо мне как о слабом следাকে? Я спать не мог, Романова. Это так задело меня, – он подвигается ближе. Смотрит в глаза мне нагло.

– Задело настолько, что хотелось послать все к чертям и сменить профессию..А на самом деле, так все банально, – усмехнулся, потирая покрытый щетиной подбородок.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, Константин Васильевич. Да и, честно говоря, у меня нет желания разбираться. Прости, но у меня много работы, нет времени на сплетни.

Я возвращаю взгляд к бумагам, а саму изнутри потряхивает.

– Нет, ты послушай, Романова, – он хлопает по столу, заставляя меня вздрогнуть.

– Я же понял все! Наконец-то понял, почему все так вышло! Слушай, – усмехается, разминая шею, а потом переводит взгляд на каждого из присутствующих здесь.

– Ладно, с шефом ты трах*ешься, но чтобы с Русаковым, прямо на следственных действиях при конвое...

Внутри все огнем вспыхнуло. Я подскочила со стула так резко, что его отбросило назад. Я стояла и смотрела в наглые глаза Дробина. Единственное, что хотелось сделать – плюнуть ему в рожу.

– Выйди из кабинета вон. Иначе...

Все вокруг замерли. Парни уже открыто смотрели в нашу сторону, с интересом наблюдая за разворачивающимися событиями.

– Иначе, что?! А? Романова, ты бы хоть постеснялась!

Я смотрела на него, и мне хотелось удавить этого ублюдка.

– Но закрыться в ванной с подозреваемым, бл*ть, ты понимаешь вообще, что это статья! – он заржал. Именно заржал, как мерзкое, отвратительное животное. Мне захотелось расплакаться. Уйти отсюда и больше не видеть этого ублюдка. Он и раньше вел себя как урод, но сейчас перешел все границы.

– Костя, – рыкнул Ваня, поднимаясь из-за стола. Дробин бросил на него беглый взгляд и вернул ко мне.

– Да ладно тебе, Романова. Ты уже должна понять, что такие приемы не действуют. Русаков ничего не скажет тебе, его даже самым глубоким минетом не удивишь, – проговорил с улыбкой, и, поднявшись со стула, попятился к дверям.

Ваня вышел к нему.

– Дробин, иди нах*р. Ты совсем сдурел! – рыкнул парень, выталкивая того за дверь.

Как только он исчез, в помещении снова воцарилась тишина. Я сидела, опустив взгляд на свои руки. Я смотрела на то, как они трясутся, и пыталась справиться с подкатившими к горлу слезами.

Услышала шаги у своего стола, а спустя секунду справа от меня присел Ванька.

– Эй, Ален, забей на этого уroda. Просто не слушай, что он несет.

Я перевела взгляд на парня. В глазах застыли слезы. Ваня улыбнулся.

– Кофе будешь?

Я покачала головой. Сглотнула огромный ком, ставший поперек горла. Он будто острый булыжник, прошел по пищеводу, оцарапав его. Было больно, но я усиленно улыбалась.

– Спасибо, Вань, но мне нужно работать.

Ванька понимающе кивнул. Отошел от стола, возвращаясь к работе. Весь час, который я провела в кабинете после случившегося, чувствовала косые взгляды остальных присутствующих. Подумать только, я с этими людьми два года, каждый день. Улыбки, совместные посиделки в баре и вроде как «дружба». Вот она, настоящая дружба. Все предпочли поверить этим бредням и наблюдать за тем, как Дробин размазывает меня по стеночке. Один только Ванька – человек.

Посмотрела на время. До конца рабочего дня оставалось полтора часа. Сидеть здесь с остальными и пытаться работать – бессмысленно. Собрала все бумаги по Русакову, и, забрав сумку, вышла из кабинета. Вышла с гордо поднятой головой, даже не попрощавшись.

– Ален, – уже в коридоре меня окликнул Ваня. Парень подбежал, вытаскивая из кармана пачку сигарет.

– Не слушай его, ладно? Никто так не думает.

Нервный смешок сорвался с губ.

– Ага, именно поэтому сидели и молча наблюдали за ним, да?

Ванька скривился.

– Ты же знаешь, против Дробина пойти мало, кто решится. Один из конвоиров, что был с тобой его друг. Позвонил и все рассказал.

– Я поняла, – перебила его, не желая дальше говорить об этом.

– Слушай, Ален. Что бы там ни было, я не верю ему, – Ванька положил ладонь мне на плечо. Я кивнула. Тогда парень, притянув к себе, крепко обнял.

– Мы с тобой с первого курса дружим. Никому не дам чесать языками поняла? – парень немного отодвинулся, заглядывая в глаза мне. – Ни одной тваре не позволю поливать тебя грязью. И за наших можешь быть спокойна. Я поговорю с ними.

Улыбнулась.

– Спасибо, Вань. Но не лезь ты в это. Еще и сам попадешь под раздачу. Я сама разберусь.

– Алена Владимировна, что-то вы поздно сегодня, – улыбнулся конвоир на проходной.

Я молча открыла сумку и, продемонстрировав ему содержимое, протянула парню телефон. И лучше бы ему не лезть с разговорами. Во мне столько злости кипело, казалось, тронь, и она польется подобно лавине и накроет всех и каждого с головой. Вот только я не собиралась тратить ее ни на кого, кроме Шторма.

– Задержанного доставьте в допросную, – бросила через плечо и прошла вперед.

В камере было пусто, когда я вошла. Бросив на стол папку, подошла к дальней стене и подняла взгляд к маленькому окошку, изрешеченному железными прутьями. В голове так и стоял голос Дробина и его издевательский смех. Но, так мне и надо.

Прикрыла глаза, пытаясь взять себя в руки. Я не имею права на промахи и ошибки. С самого первого дня работы в органах ко мне было слишком пристальное внимание. Наличие дедушки генерала вводит людей в заблуждение, заставляя сомневаться в способностях и возможностях. Они считают, будто я не достойна этого места. А я докажу им обратное. И

первый, кого макну лицом в его же грязь, будет Дробин. А сделать это я смогу только после вынесения обвинительного приговора Русакову.

За спиной раздался лязг металлических дверей. Я вздрогнула. Но лишь внутренне. Снаружи я осталась совершенно невозмутимой.

Слышала, как конвоир велит Русакову встать у стены и расставить ноги на ширине плеч. Слышу, как стягивают с него наручники. Я попросила об этом. И не потому, что хочу сделать ему приятно. Я хочу показать этому бандиту, что я ни капельки его не боюсь.

Как только закрылась дверь, воцарилась тишина. Всего на несколько секунд, но ее хватило, чтобы взять себя в руки.

За спиной раздался мужской смех. Тихий, хриплый. Он волной прокатился по каждому нервному окончанию, заставляя его вибрировать и искрить. Встряхнув головой, сбросила с себя эти ощущения. Внутри меня все еще кипел гнев. И это чувство придавало мне сил.

Обернувшись, я уставилась на стоящего в двух шагах от меня огромного медведя. Его холодные глаза нагло исследовали мое тело.

– Неужели соскучилась, следачка? – он сложил на груди руки, отчего они стали еще больше. Необъятный, огромный, наглый. Я ненавидела его в этот момент еще сильнее, чем ненавижу Дробина.

Вдруг почувствовала его за спиной. Нет, не касание. Просто его присутствие рядом. Меня словно отталкивало от него. Будто мы одноименные полюса магнитов.

– Садитесь за стол, – обернувшись, обогнула его, и устроилась на своем месте. С такой же наглостью посмотрела на Русакова.

Он замер на мгновение, с интересом изучая меня.

– А, я понял, – усмехнулся. – Тебе понравилось, и ты пришла за добавкой? – издевательски выгнул бровь. Уголок его губ скользнул вверх.

Несколько секунд я просто молчала. Сидела и пялилась в его глаза. И понять не могла, с какой же стороны мне подобраться к этому огромному монстру? Где у него та самая ахиллесова пята?

– А тебе добавки не хочется? – посмотрела многозначительно на синяк, украшающий его скулу. Наверняка, получил его от конвоиров в результате сорванного эксперимента.

Губы мужчины растянулись в ленивой улыбке.

– А ты с яйцами следачка, – Шторм устроился на стуле, продолжая улыбаться.

– Я недооценивал тебя, Романова, – произнес, задумчиво потирая подбородок.

Я устала от его позерства и игр.

– Мне нужны показания. Как ты убил Ольгу Данилюк.

– Я дал тебе показания. В ванной комнате. Ты все запомнила, или стоит повторить?

Я вспыхнула от его слов. Подалась навстречу.

– Если ты...

– Сказал же, за новой порцией пришла, – довольно откинулся на спинку стула, наблюдая за мной из-под полуопущенных ресниц. – Или ты тоже хочешь, чтобы тр*хнул тебя? Без проблем, – он наклоняется, подается ко мне навстречу. Его пальцы касаются моих, скользят по ним.

Мне вдруг становится холодно. Тело бьет озноб. А он взглядом спускается вниз, и замирает на моих сосках, торчащих из тонкой ткани рубашки. Лицо полыхает от стыда и злости.

– Может, тебя в карцер?

Засмеялся.

– Только если наедине с тобой, сладкая.

Открыла папку и швырнула несколько фото убитой девушки на стол. Он опустил на них взгляд, замер. На лице ни одной эмоции, но я знаю, что внутри него сейчас поднимается буря.

Схватив самый верхний документ, начинаю зачитывать его. Это заключение суд мед эксперта по результатам вскрытия трупа.

– На теле убитой были обнаружены колото-резаные раны в количестве трех штук. В области живота, чуть правее пупка... – после каждого прочитанного предложения я будто ненароком поднимаю на него беглый взгляд. Смотрю, изучаю его реакцию. Он неподвижен. Будто изваяние каменное. Сидит и смотрит на фотографии. Будто пытается запомнить рисунки до мельчайших подробностей.

– Лезвие прошло сквозь верхний изгиб толстой кишки...

Вдруг раздается скрипение. Ножка его стула о пол. Он молчит. Только теперь на меня смотрит. И взгляд его острый, будто лезвие, проникающее мне под кожу, желающее сделать больно. Также больно, как и ей тогда.

– Ты можешь молчать, – произношу тихо, прочистив горло. Откладываю в сторону бумаги.

– Можешь строить из себя крутого, можешь бросать в мою сторону грязные шуточки, но мы ведь знаем правду. Ты убил ее. Зарезал девчонку. Хладнокровно или из ревности, а может это был просто случай?

А вот теперь в его глазах ненависть. Он смотрит на меня так, будто в любой момент готов броситься и придушить. Подаюсь к нему навстречу, желая раздражить зверя, желая увидеть его ярость.

– Ты сядешь, Русаков. А на зоне тебе уж точно не жить. Я ведь не дура. Узнала кое-какую информацию. Есть много людей, которым ты сделал плохо... Многие спят и видят, когда смогут встретиться с тобой. А ты встретишься, это я тебе обещаю. И никто тебе не поможет, даже твоя правая рука – Белицкий.

Вижу, как он застывает в удивлении. А вот это чистая десятка! Я поймала! Поймала его!

– Его же отпустили, да? – поднимаюсь со стула и усаживаюсь прямо на стол, смотрю на него сверху вниз. Наконец-то, мы поменялись местами. Теперь я – мент. А он гребаный кусок дерьма.

– Отпустили его сразу, как ты попал за решетку.

Он шурится. Вижу, как на лбу проступают морщинки. Продолжаю давить.

– Неужели, Белицкий сдал тебя, Шторм? И как же ты не видел Иуду? Как не распознал предателя среди приближенных лиц?

Я знала, что попала в цель. Но на этот раз Русаков смог собраться.

– Ты думаешь, я буду надеяться на Белицкого? Думаешь, у меня не осталось козырей, следачка?

Я приближаюсь еще ближе. Между нашими лицами всего сантиметров двадцать. Я даже слышу его тяжелое дыхание. И я хочу, чтобы он перестал сдерживать себя.

– Если бы они у тебя были, ты бы не терпел сейчас молодую наглую с*ку, внучку прокурора. Человека, который в свое время доставил тебе кучу хлопот, – произношу это с улыбкой, облизнув пересохшие губы.

Его глаза наполняются чернотой.

– Провоцируешь, следачка, – со злой усмешкой.

Возвращаюсь на прежнее место, пожимаю плечами.

– Ударишь – сядешь. Мне ведь не страшно.

Он резко подскакивает со стула. Огромной штормовой волной несется на меня. Мне не успеть убежать. Не успеть позвать на помощь. Русаков сгребает меня в охапку. Всего пару секунд испуга – и я прижата к стене, а его огромные руки сжимают мое горло.

– А я женщин не бью, – произносит с улыбкой, у самого лица. И пальцами по скулам водит. Меня лихорадит. Тошнит от его близости. Но я понимаю, если дам слабину, позову на помощь – мне никогда не справиться с этим делом. Перед глазами снова наглая ухмылка Дробина. И тут же в венах кровь закипает от гнева.

В глаза его смотрю нагло, с уверенностью. И даже попытки не предпринимаю высвободиться, будто мне нравится его близость.

Он вдруг замолкает. На пальцы свои смотрит, которыми дорожки по шее ведет. А меня ознобом бьет изнутри. Вокруг тишина тяжелая. И только дыхание его нарушает ее.

– Ладно, —руки Штора вдруг отпускают меня. Он отворачивается, а я хватаюсь за горло, и выдыхаю в облегчении.

– Я помогу тебе. Расскажу все так, чтобы тебе не доставило проблем засадить меня. Но с твоей стороны мне тоже нужна будет помощь.

Русаков устраивается за стол, поднимает на меня глаза. И сейчас в них тишина и спокойствие. Будто и не происходило между нами ничего несколько секунд назад.

– И почему я должна верить тебе?

Теперь он пожимает плечами.

– Я тебе слово даю, следачка. А уж слову моему ты можешь верить...

Я устраиваюсь напротив него. Собираю все фото и бумаги и убираю их в папку. Использую это время для обдумывания. Не пытается ли он обвести меня? И что он может попросить взамен? Понимаю единственное – у меня выбора не особо много.

– Хорошо, что тебе от меня нужно? Я ведь знаю, что такие, как ты просто так даже пальцем не пошевелят.

– Найди мне одного человека. Он исчез незадолго до моего ареста.

– Кто? Как зовут?

– Денис Золотарев. Управляющий моими ресторанами на Центральной. Устрой мне с ним свидание.

С губ сорвался смешок. Он серьезно?!

– Ты издеваешься?

Русаков продолжал невозмутимо на меня смотреть.

– Разве, похоже на это?

– Почему не попросишь адвоката? Обычно с такими вопросами обращаются к ним.

– Косарев – хороший человек, но хватки у него нет. Он не нашел его.

– Почему думаешь, что я сделаю?

Шторм улыбнулся. Поднявшись со стула, направился к дверям. Несколько раз постучал по ним, вызывая конвоиров.

И когда открылась дверь, он вдруг обернулся ко мне.

– Потому что ты ненавидишь таких, как я. И единственное, чего ты хочешь – засадить меня по полной. И я дам тебе такую возможность, следачка.

Глава 7

Телефон, лежащий на пассажирском завибрировал. Резко свернув на обочину, затормозила.

– Да, Вань, – произнесла, с замершим от волнения сердцем. Я ждала этого звонка так, как не ждала ничего и никогда.

– Есть куда записать? – раздается в динамике тихий голос сотрудника.

Я вытянула из папки несколько чистых листков и ручку.

– Да, говори.

– Золотарев Денис Андреевич, управляющий сетью ресторанов «Гавань». Записывай адрес прописки: улица Портовая, дом 45.

– Что-то есть на него? Приводы? Штрафы?

– Да так, по-мелочи. Пару гаишных штрафов за превышение. Но я знаю этого мужика. Он один из приближенных Русакова. В последний год стал едва ли не единственным, кому Шторм доверял. Я слышал, даже с Белицким у них терки частенько бывали. Пару раз даже до побоев доходило.

А это было интересно. Я записала адрес и бросила листок на сиденье.

– И еще, Ален. Помнишь то дело, когда Изварина, хозяина «Вертикали» посадили и он резко решил продать свой торговый центр?

– Да... – что-то припоминаю. Кажется, это дело было в прошлом году. Того мужика упекли надолго...

– Знаешь, кто сейчас владец того самого центра?

Прикрыла глаза, облачивая голову о подголовник сидения.

– Вань, не томи!

– Золотарев Денис! То есть все это происходило с подачи твоего Русакова!

– Просто отлично, – вздохнула, устало потирая ладонью лоб. – Вань, спасибо огромное!

– Только не говори, что ты решила в одиночку поехать к Золотареву? – в голосе парня звучало негодование.

– Не говорю. Прикрой меня перед шефом. Сегодня уже вряд ли вернусь в отдел. А завтра утром поеду на следственные действия с Русаковым. Кажется, я его расколола...

Несколько секунд Ванька молчал. Ему не нравилось это, но он понимал, что спорить бесполезно. Все равно ведь сделаю так, как хочу.

– Удачи тебе, Романова.

Сбросив вызов, еще раз посмотрела на адрес. Не нравилась мне фраза Ваньки про Белицкого и Золотарева. Если между подчиненными Русакова была война, то один из них мог оказаться тем самым предателем. И, если отбросить в сторону все факты, положиться на чутье, то кажется мне, что Шторма действительно подставили. В голове то и дело вспыхивают его слова. «А я женщин не бью». И пусть меня назовут душой, но он сказал это так уверенно, так... честно.

Господи, у меня голова кругом! Подумать только, верю словам какого-то бандита! Полагаюсь на интуицию. Если бы это услышал мой преподаватель по уголовному праву, я бы ни за что не сдала ему диплом.

Но мысли об этом никак не отпускали меня. Зачем Шторму так попадать? Убивать Олю, да еще и труп ее оставлять во дворе. Как бы то ни было, не похож он на психованного ублюдка, не способного держать себя в руках. Тот, с кем я сегодня общалась – умелый стратег.

Человек, просчитывающий каждый свой шаг на несколько ходов вперед. Он убийца и бандит – в этом нет сомнений. Но именно это убийство не вязалось с ним.

Хотя, с другой стороны – все это только слова. Доказательства на руках и говорят они о том, что это дело рук Шторма. И мне нужно меньше заморачиваться и копать в этом дерьме. Я выполню свою часть договора. А уж остальное за ним.

К нужному дому я подъехала спустя минут тридцать. Припарковав машину за два дома до необходимого, вышла на улицу. Немного подумав, вернулась в салон и достала из бардачка пистолет. Я не собиралась его использовать, но если в этом деле замешан Золотарев, я могу встретить сопротивление.

Правильно было бы вызвать подкрепление, ребят из ОМОНа. Но это все время. Без служебки начальник физ защиты не выпустит своих бойцов. А времени у меня не было.

Подойдя к воротам, нажала на звонок. Одноэтажный кирпичный, совершенно не примечательный дом был совершенно темным. Несмотря на глубокий вечер, в окнах не горел свет. По дороге сюда я позвонила нашим компьютерным хакерам. Номер мобильного Золотарева пробили по биллингу. Телефон выключен, но в последний раз он маячил именно здесь.

Никто не отвечал. Ни после второго, ни после третьего звонка. Тогда я приоткрыла дверь и заглянула внутрь. Собаки не было – уже хорошо. Во дворе, под навесом стояла припаркованная Ауди. Именно за езду на ней Золотареву был несколько раз оштрафован. Осторожно прикрыв за собой дверь, я прошла внутрь двора.

Остановившись на крыльце, замерла на мгновение. Прикрыла глаза, внутренне подбираясь. Мне было страшно. Я вся – как напряженный сгусток нервов. Готовая в любой момент отразить нападение. Я не знала, что увижу за дверью, но понимала, варианта бросить все и уйти, у меня нет.

Потянувшись к ручке, надавила. Дверь поддалась. С еле слышным скрипом открылась.

– Денис Алексеевич, – позвала не громко. В ответ тишина. Тогда я сделала шаг и переступила порог дома, а в следующую минуту прижала ладонь ко рту. Меня затошнило. Спертый, затхлый запах. Запах чего-то гниющего.

Я уже знала что увижу, когда сделала несколько шагов и толкнула дверь первой комнаты по коридору. А когда увидела, устало прислонилась плечом к косяку. Он лежал на полу. Среди перевернутой мебели и разбросанных вещей. Золотарев.

Мужчина был на боку, его правая рука поднята вверх. Он находился здесь далеко не первый день. Трупный запах уже основательно витал в воздухе. Достав из сумки платок, приложила его к носу и осторожно прошла вперед. Присев рядом с убитым, осмотрела его. Глаза Золотарева были открыты, и он смотрел в пустоту помутневшими зрачками. В его груди торчал нож. Просто кухонный тесак из набора. И я была уверена, если загляну в кухню к Золотареву, не досчитаюсь одного из колющих предметов на столе.

Черт. Прикрыла глаза, выходя из дома. Пока набирала номер Ваньки, руки тряслись.

– Вань, вызывай наряд по адресу. Я его нашла. Убили.

Мысли лихорадочным потоком сменяли одна другую. Еле дождавшись приезда полиции, я провела их в дом. На место прибыл и Дробин. Одарив меня пренебрежительным взглядом, он прошел мимо, словно я – пустое место. Осмотрел место происшествия и начал давать указания следственной группе. Мне больше здесь делать нечего. Я вышла за ворота и, достав из сумки сигарету, закурила.

Золотарев убит. Как сказал судмедэксперт, смерть наступила около семи дней назад.

Значит, его убрали незадолго до убийства Ольги и ареста Шторма. Кто? Кто это мог сделать? Белицкий? Его отпустили из камеры, и как говорил Ванька, у него с Золотаревым были постоянные войны. Правда на поверхности? Или это то, что мне хотят показать?

Господи, я больше не могла думать. Голова раскалывалась. Я понимала, что завтра Шторм может соскочить с крючка. Я ведь не выполнила его просьбу. И теперь не уверена, что он не кинет меня в ответ.

В любом случае, нужно возвращаться домой. Если это Белицкий, то Дробин уже утром кинет его обратно за решетку. Костя уж точно раскрутит заместителя Русакова по-полной.

Я направилась к машине. Пикнув сигнализацией, подошла к водительской двери. Но стоило ее открыть, вдруг кто-то схватил меня за плечо. Я почувствовала, как в спину уперлось что-то твердое.

– Не рыпайся. Молча садись за руль. Если хотя бы пикнешь, я пальну.

Испуг разлился свинцом по венам. Руки стали просто неподъемными. Резким движением он затолкнул меня в салон. Я буквально упала на водительское. Спустя мгновение, открылась пассажирская дверь, и в машину запрыгнул он. Резко наставив на меня пистолет, повернулся. На мужчине была черная бейсболка и такого же цвета худи. И как только наши взгляды встретились, я узнала его. Белицкий.

Я никогда не попадала в такие ситуации. За пару лет работы в следствии, мне ни разу не угрожали пистолетом. Я всегда считала себя храброй и уверенной в себе. Никогда даже не сомневалась в том, что останусь таковой даже при наличии угрозы. Господи, какой дурой я была.

Чувствовала что вот-вот расплачусь. Вот так, сидя за рулем, с пистолетом в сумке и упертым в бок стволом, единственное, чего мне хотелось – убежать и спрятаться. Спрятаться за огромной широкой спиной защитника. Мне хотелось, чтобы меня спасли от этого сумасшедшего человека. Но я была с ним наедине. И сейчас ехала в неизвестном направлении.

– Вот здесь, направо. Только без глупостей, поняла? – прорычал хриплый голос, не забыв ткнуть в меня сильней холодным металлом оружия. Паника очередной, сбивающей с ног волной, окатила меня. Каждый нерв стал деревянным, мозг заторможенным.

– Тормози! – рыкнул Белицкий, когда мы проезжали один из небольших частных домов.

Улица была темной и узкой. А здание больше напоминало дачный домик. Да и место тут глухое – окраина города. По всей видимости, тут и было тайное лежбище Белицкого. Оно могло стать местом моего убийства. От этих мыслей липкий, омерзительный страх пробежал по каждому позвонку, опаляя голову.

– Выходи из машины.

Я послушно открыла дверь, потянув за собой ремешок сумки. Все еще надеялась воспользоваться личным оружием. Но сумка не поддалась. Ремешок натянулся, а в следующую секунду мужчина вырвал ее из моих рук.

– Оставь это здесь.

Я вышла на ночной воздух. Здесь было очень холодно. А может это страх заставлял дрожать каждую частичку тела?

– Ноги шире, – раздалось за спиной. Я обернулась, настороженно посмотрела на него. Губы мужчины растянула наглая ухмылка.

– Да не трону я тебя, больно надо.

Проверив карманы, он схватил меня за плечо и подтолкнул вперед, к ближайшим воротам.

– Проходи.

И в этот момент моя паника достигла пика.

– Послушайте, вы зря это делаете. Я – старший лейтенант полиции, и у вас будут большие проблемы. Нападение на сотрудника...

Он не дал мне договорить. Ткнул в спину ладонью, отчего я едва не упала.

– Ты то мне и нужна, Романова.

Обойдя меня, он подошел к входной двери. Пока мужчина возился с замком, я осмотрелась по сторонам. Захудалый дворик, с покосившемся от времени забором. Деревянные ссохшиеся рамы в окнах и местами побитое стекло.

– Заходи внутрь, – снова толчок в плечо.

Я поднимаюсь по ступенькам и прохожу маленький, узкий коридор. Белицкий заводит меня в небольшую комнату и включает свет.

Обстановка здесь ничуть не лучше, чем состояние двора. Поблеклая краска на стенах, обсыпавшаяся побелка с потолка. Из всего интерьера – платяной шкаф советских времен, старая кровать и тумба с бочковым телевизором, используемым в качестве подставки под комнатные цветы.

– Садись, – рычит он, стягивая с головы бейсболку.

Я послушно опускаюсь на стул рядом с кроватью. Белицкий нервно ходит по комнате.

– Черт.. – цедит сквозь зубы.

Он очень встревожен. Я бы даже сказала, в панике. Воспользовавшись моментом, внимательно рассматриваю его.

Темные короткие волосы, неплотное телосложение, заросший, но все равно выглядит аккуратно. В отличие от этого дома и помещения. Здесь царит отвратительный запах сырости и грязи. И я подумать боюсь, сколько болячек на грязной постели этой кровати.

– Слушай, прости, что пришлось угрожать, и все такое. Но по-другому ты бы не поехала со мной. Повязала бы и все без лишних разговоров...

После этих слов паника немного отпускает. Значит, Белицкий не просто чокнутый мужик с пистолетом. Его гложет чувство вины, а значит не все потеряно.

Он садится напротив меня, на кровать. Я смотрю в его глаза – в них нет безумия или жестокости. Чистый, трезвый взгляд. Просто уставший и испуганный.

– Хорошо, давай договоримся. Ты уберешь ствол, и мы поговорим. Тебе ведь это нужно? – я беру ситуацию в свои руки. Помню лекции по уголовке, там рассказывалось как нужно вести переговоры с захватчиками. Он должен думать, что я спокойна и на его стороне.

Белицкий удивленно замирает. Смотрит на меня внимательно, а меня дрожью прошибает.

– Да, мне нужно поговорить... – послушно кивает и опускает глаза на пистолет, зажатый в руке. Поставив на предохранитель, убирает его за пояс.

– Там труп Лехи, и этот чертов Дробин подставил.. теперь мне точно не жить! Все, все стрелки на меня! – схватившись за голову, он немного раскачивается.

– А вы не убивали его? – спрашиваю максимально мягко.

Белицкий мечет в меня напряженным взглядом

– Я? Ты, бл*ть, в своем уме?! Золотарев мой лучший друг! Он больше, чем брат для меня! Он мой боевой товарищ, мы на войне вместе под пули ложились! Он меня от плена спас,

вытянул раненного из-под обстрела, а ты говоришь, что я убил его?!

Он вскакивает с кровати, снова расхаживает по комнате, а я замираю. Одно лишнее слово или действие – и он просто грохнет меня. Белицкий на грани, это видно невооруженным глазом. Но виноват ли он в смерти Золотарева и убийстве Ольги – большой вопрос.

– Я не знаю, кто его убил. Но ваше поведение не помогает вам. Если вы не виновны, сядьте и расскажите мне все. Я также как и вы, хочу разобраться...

Он смеется. И это совсем не радостный и не злорадный звук. От него веет безнадегой.

– Разобраться она хочет, как же. Штурма засадить по полной – это да. Нах*й тебе этот геморрой?

Я не свожу с него внимательного взгляда.

– Хорошо, я хочу его засадить. Так, а чего вам бояться?

Он возвращается к кровати. Резко подавшись ко мне, сдвигает стул вместе со мной. Так сдвигает, что теперь наши колени соприкасаются. По венам адреналин несется. Паники больше нет, а страх придает моим мыслям четкости и ясности.

– Ты думаешь, я сдал его?

– Это не так?

Он молчит. А потом вдруг резко расстегивает куртку и лезет рукой за пазуху. Я напрягаюсь, не зная, чего ожидать в следующий момент. Белицкий достает бумажник из нагрудного кармана. Раскрыв его, вытягивает небольшую карточку и протягивает ее мне.

– Вот, смотри.

Это фото. Старое, потертое. На нем изображены четверо ребят в военной форме. Они сидят на танке, в обнимку, с автоматами наперевес, улыбаются в камеру.

– Это я, – он показывает на худенького с угольными глазами парня, сидящего в самом краю.

– А это – мой командир, – мужчина тычет в центр фото на самого высокого и крепкого парня с колючим взглядом. У него между губ сигарета, на вид бойцу лет двадцать от силы, но даже так, по одному только взгляду серых глаз я узнаю его. Провожу пальцем по фото, по его лицу веду и мурашки бегут. Такой красивый он, сильный. Старое фото, изображение наполовину стерто, а все равно такой силой от него веет.

– Мы его батей звали, – произносит Белицкий. И я понимаю, что он вдруг успокаиваться начал. Голос тихий, ровный.

– Штурм всегда под пули сам лез, вперед бойцов. Многие офицеры ж*пы свои солдатами прикрывали, а этот наоборот...

Мужчина забирает из моих рук фото.

– Он – тот, кому я жизнью обязан, поняла? И даже если бы мне Дробин яйца отрезал и заставил сожрать, я бы сделал это, но не сдал бы его. Никогда.

Он смотрит на меня в упор. И я верю ему. Каждому слову верю.

– Тогда почему ты считаешь, что Штурм может подумать на тебя?

Мужчина кривится.

– Потому что Дробин – тварь, подставил меня! Он сделал это специально. Закрыв меня, подбросив наркоту. Мутузил в камере пару дней, а потом просто дверь открыл и «на выход». Я только когда на свободе оказался, узнал об убийстве Оли и о том, что Штурма взяли, понимаешь? И Леху на меня хотят повесить. А я не убивал! Я сам только сегодня утром труп его нашел. Потом сидел, не знал что делать. Мне парни сказали, что ты дело Штурма ведешь,

вот и караулил тебя.

Белицкий вдруг сполз с кровати, и на полу уселся, у моих ног.

– Слушай, Романова, я об одном тебя прошу. Передай Шторму, что я не предавал. Скажи ему это! Скажи, что я все для него сделаю!

– Почему ты говоришь это мне? Почему не его адвокату?

– Я сейчас не доверяю никому из наших. А ты – незаинтересованное лицо. Ты просто передай ему, и все. Он сам с остальным разберется.

Белицкий поднялся на ноги. Вытащил из-за пояса ствол.

– Я уйду сейчас. И ты уходи. Садись в машину и уезжай. Попробуешь следить за мной, извини, но буду стрелять. Я за решетку не хочу, меня там грохнут сразу же...

Я молчу. А он несколько минут смотрит на меня, а потом срывается к выходу.

– Стой! – кричу, подскакивая с места. Срываюсь в коридор и застываю в дверях. Он стоит в двух шагах от меня, с направленным пистолетом.

– Два вопроса и уходи.

Мужчина молчит.

– Шторм мог убить Ольгу?

Усмешка. Горькая, от которой в сердце острой болью прошибает.

– Если бы мог, он вместо нее бы в землю лег. Так ясно?

Я ожидала такой ответ. Уже и сама пришла к этому выводу. Не Шторм ее убил. Не он.

– Кто мог подставить его? Кому это нужно?

Он пожимает плечами.

– Врагов у него много. Но этих ищи наверху. Слишком быстро все делают.

Глава 8

Я держала себя в руках до последнего. Держалась, покидая тот ужасный дом, усаживаясь в машину. То и дело оглядывалась по сторонам. Мне все казалось, что за мной следят. В каждой машине, обгоняющей меня, я видела преследователя. Казалось, вот-вот очередной автомобиль резко даст вправо и скинет меня на обочину.

Я поняла, что приехала к дедушке, а не домой, только когда въехала в его ворота. Заглушив мотор, буквально выскочила из машины и, поднявшись по ступенькам крыльца, зашла в дом. Он стоял в гостиной, с неизменной сигарой в зубах и со стаканом виски.

Обернувшись, дедуля посмотрел на меня сосредоточенно. Прочитав на моем лице ужас, он нахмурился. Я и слова ему не дала сказать. Подбежала и обняла, прижавшись лицом к груди. Родной запах мужских духов с примесью табака успокаивал. Прикрыла глаза, понимая, что я под защитой. С единственным мужчиной, готовым до последней капли крови оборонять меня. Только рядом с ним я чувствую себя маленькой девчушкой.

– Аленушка, случилось что? – в голосе дедушки тревога, и я ругаю себя за то, что заставляю нервничать. У него ведь сердце больное, полгода назад делали серьезную операцию. Ему нельзя волноваться, совсем-совсем. Но как бы не понимала, остановить себя не могу. Слезы, будто сами собой льются из глаз.

– Устала, дедуль, просто устала, – еще сильнее прижимаюсь к родителю. А он и рад стараться. Обнимает меня, в макушку, по-отечески целует, покачивая из стороны в сторону. Словно маленькую внучку, только что разодравшую коленку в кровь.

– Ну все, полегчало? – отстраняется, с улыбкой вглядываясь в мои глаза. А у самого

взгляд цепкий, изучающий. Знаю, что каждую деталь подмечает. Хоть и на пенсии давно, но навыков не растерял.

– Это из-за дела твоего нового?

Хочется довериться ему и рассказать обо всем. Но приходится прикусить язык.

– Нет, просто навалилось все, – виновато улыбнувшись, стираю слезы с лица.

Дедушка смотрит на внимательно.

– Нет, так дело не пойдет, – оставляет в сторону алкоголь и сигару. – Идем. Маша приготовила твое любимое рагу. Вкусная еда и горячий чай точно не помешают.

Только представила себе блюдо, приготовленное дедушкиной помощницей, сразу слюнки потекли. Только сейчас поняла, что за сегодня ничего не ела. Кивнув доволью, отправилась в ванную комнату. Умывшись, убрала волосы в высокий хвост. Заметила на руке у самого запястья небольшой синяк. Наверняка, остался от хватки Белицкого. Тут же не по себе стало. Все происходящее со мной в последнее время напоминает дешевый триллер или боевик. И если в фильме подобные события смотрятся с интересом, на себе это чувствовать довольно таки неприятно.

Вернувшись в кухню, застала дедушку у стойки. Он уже поставил на стол разогретое блюдо с рагу, и сейчас занимался чаем.

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/44k>